

* * *

Закат стоял иконостасом,
где отражался солнца лик,
и день молился перед Спасом,
что он уходит, как возник.

И вечер, вставший на колени,
свой звёздный принимал досуг
и, обнажая даль творенья,
взял свет луны из Божьих рук.

* * *

Луна в пруду цветёт и тает,
и лепестки бросает в рябь,
и так неспешно отцветает,
когда зари светлеет взгляд.

Какая дивная покорность
цвести, рождаясь, отцветать,
и встретив свет другой, спокойно
как дар неведомый принять.

Ахат Мушинский

Пока нас крылья держат и несут

послесловие

КАК-ТО наводил я порядок в своих бумагах и обнаружил две подборки его стихов. Одна, отпечатанная на машинке, в папке с тесёмочками, другая – рукописная, в общей ученической тетрадке.

Почерк в тетради крупный, размашистый, почти без помарок, а над листами в папке потрудились старенькая, известная мне испокон веку пишмашинка «Москва» со сбитыми литерами и пересохшей чернильной лентой. Блёклый текст читается

с трудом, нередко буквы на бумаге продырявлены – так автор бил по клавишам, чтобы тиснением возместить отсутствие чернил на ленте. Некоторые строки перечёркнуты, поправлены летящей авторучкой. Правка неразборчива, требует расшифровки... На общей тетрадке – дарственная надпись; папка, более полная стихами, – без посвящения.

Стихи Юры Макарова я хорошо знаю. Печатал их в журнале «Идель» в 1989 году, при его жизни, затем – в «Казанском альманахе». А некоторые из них помнятся ещё свежееиспечёнными на, так сказать, поэтических посиделках у него в каморке вросшего в землю деревянного дома в Профессорском переулке Казани, которого давно уже нет.

Присылал он мне их, тогда литконсультанту Союза писателей Татарстана, и из ЛТП¹ города Бугульмы, где в советские времена мотал срок за «тунеядство» и дружбу с зелёным змием, и куда мы с моим другом, главным редактором «Бугульминской газеты» Владимиром Изергиным, заявлялись, чтобы облегчить ему жизнь, а затем – и вызволить.

Так что намётанным глазом я сразу оценил – передо мною большей частью неопубликованные стихи, каким-то образом схоронившиеся от добродетельных издателей, а может, просто не выдержавшие строгих редакторских правил. И в самом деле, небрежности и вольностей в них поболее, чем в обычной, обнародованной продукции Макарова – неточные, приблизительные рифмы, а то вообще их отсутствие, в одном месте стиха (строки) не хватает, в другом – путаница со знаками препинания...

Тем не менее, отстранив опубликованное, я подготовил к печати то, что ещё не видело свет. Пусть это и не самое лучшее, пусть это и в какой-то мере черновики... Но всё-таки Макаров есть Макаров. Читая его, «в сердце радуги растут». Я знаю немало почитателей его творчества, и у них эта публикация вызовет несомненный интерес.

Юра Макаров любил жизнь, любил как-то не по-взрослому наивно, здесь и сейчас, не издалека. Он сумел, как мало кому удаётся, «до смерти детство своё не терять». Доверчивой детскостью светятся многие его стихотворения. «Я слишком прост и незатейлив», – пишет он о себе. Но из-под внешней простоты и незатейливости вдруг поднимается необыкновенно глубокая мысль, вырывается неожиданная философия:

**А лунный свет, как щедрость всепрощенья,
нам закрывает веки в полусне
и шепчет: спи, не будет отомщенья –
ты здесь живёшь не по своей вине.**

Казалось бы, привычно говорить о рождении и жизни «не по своей воле», а тут вдруг утверждение, что ты живёшь не по своей вине. То есть получается: жизнь – это повинность.

В каждом его стихотворении кроме своеобразной философии обязательно заложен какой-то необычный образ, присутствует какая-то необыкновенная фраза, которая вдруг берёт за душу, заставляет замереть и благодарно перевести дыхание. Как, например, эта, вынесенная в заголовок...

¹ ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий в СССР. По сути, место ограничения свободы и принудительного труда.